
Н. В. МОРОЗОВА

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР

В статье рассматривается политический дискурс КНР в плане вовлечения языковых средств, отражающих социально-политические и культурологические особенности региона, в формирование политического образа государства. Китайская культурная среда с ее спецификой и исторической памятью влияет на политический язык, традиционные для китайской политической культуры составляющие являются неотъемлемой частью современного образа государства. Отмечается ведущая роль конфуцианских ценностей, которые органично интегрируются во внутривнутриполитический процесс, адаптируясь к реалиям модернизирующегося Китая.

Ключевые слова: *социально-политическая коммуникация, культура Китая, метафоры, политический дискурс, картина мира.*

Язык любого государства динамически развивается на фоне происходящих в обществе социальных и политических изменений, становясь инструментом борьбы за политическую власть и воздействия на общественное сознание. Характер и мера осмысления действительности, заключенные в воспринимаемом образе, определяют не только знание о предмете, но и действие (Любимов 2009).

Политическая коммуникация, в свою очередь, направлена прежде всего на формирование конкретного типа восприятия той или иной политической ситуации и побуждение к определенным действиям, что объясняет значимость выбора языковых средств, используемых в политическом дискурсе (Чудинов 2007). Метафорическое представление сущности политической власти в конкретной культуре имеет собственную сферу-источник, что делает особенно интересным исследование неодинаковых смыслов, которые они отражают, в зависимости от изучаемого региона. Отдельное высказывание является непродолжительным актом, тогда как его повторение фиксирует черты языка, остающиеся неизменными на протяжении долгого времени. Политическая коммуникация любой страны характеризуется использованием метафор и символов, имеющих отношение к далекому прошлому. Чем богаче культур-

Историческая психология и социология истории 1/2016 72–85

ная и историческая традиция страны, тем сложнее понимание смысла, стоящего за прецедентными феноменами. Смена политической ситуации в государстве также неизменно ведет к обновлению лексического материала, пополняя список традиционных прецедентных феноменов их новыми интерпретациями.

Говоря о системе национальных образов и метафор, специалисты отмечают, что в современной политической метафорике стран Запада и Востока присутствуют общие черты. Тем не менее цивилизационное пространство Востока обладает существенным метафорическим своеобразием (Wang Dongshuo 2011). Китай является носителем древнейшей исторической и литературной традиции, и в его культуре сформировался огромный пласт прецедентных феноменов, отражающихся в современном дискурсе в виде фразеологизмов, цитат и словесных клише. Присутствуя в китайском дискурсе на протяжении нескольких сотен или даже тысяч лет, многие из них приобрели символическое значение и превратились в имена нарицательные.

Китайская культурная среда с ее спецификой и феноменом исторической памяти влияет на политический язык, закрепляя в нем ряд традиционных для китайской политической культуры фраз и выражений. Классический китайский политический язык становится способом формирования нового варианта политического языка, соответствующего реалиям модернизирующегося Китая (Виноградов 2008). Логично предположить, что традиционные фразы и словосочетания сознательно вводятся в современный политический дискурс КНР, то есть что традиционный политический язык обладает определенной функциональной нагрузкой (Берзиня 2008), в частности способствует уменьшению давления западного дискурса демократии и пониманию политических процессов в рамках собственно китайской политической культуры.

Еще одна функция традиционного языка – консолидация общества. Политический язык классического Китая является достоянием всех представителей китайского народа, откуда вытекает и возможность использования его как инструмента для снятия внутреннего напряжения, особенно при осуществлении реформ, когда велика вероятность социального расслоения. Традиционные элементы позволяют каждому члену сообщества ощутить свою принадлежность к единой культурно-исторической линии.

Руководство КНР ищет новые подходы к развитию китайского общества, используя в качестве основы традиционные принципы

культуры. Конфуцианские ценности органично интегрируются в современный внутривластный процесс, выступая надежным гарантом стабильности и консолидации общества, поскольку характерная черта конфуцианства – способность органично приспосабливаться к изменениям эпохи. Это закладывает прочный фундамент для преемственности традиционной культурной доктрины, что играет важную роль в истории политической власти Китая.

Яркими примерами служат такие традиционные сентенции, как 以德治国 (yì dào zhì de) – «управлять государством с помощью добродетели “дэ”»; 以人为本 (yǐ rén wéi běn) – «рассматривать человека как корень всего»; 天下为公 (tiān xià wéi gōng) – «Поднебесная является общим достоянием». Идеино-философской основой создания благоприятного образа Китая выступает идеология конфуцианского гуманизма, терпимости и миролюбия. Конфуцианские цитаты, в частности выражения из «Лунь Юй», например такие как 和为贵 (hé wéi guì) – «согласие – это драгоценность», или 和而不同 (hé ér bù tóng) – «объединение без унификации», широко используются и во внешнеполитических отношениях.

Среди понятий, прочно закрепившихся во внутривластной жизни КНР, огромную роль играют сложившиеся на протяжении многовековой истории и имеющие непосредственное отношение к культуре и традициям феномены, которые представляют собой элементы национального самосознания, передающиеся из поколения в поколение. Важнейшие из них – 和谐 (hé xié) – «гармония», а также «гармоничное общество», «гармоничная культура», «гармоничный мир».

Понятие «гармония» всегда оставалось одним из ключевых составляющих культуры Китая. Согласно традиционным представлениям, оно объединяет гармонию Неба и Человека, гармонию всех людей, души и тела. В контексте этих выражений «гармонию» можно определить термином «единство». Целый ряд устойчивых выражений составляет культурно-философскую концепцию гармонии в китайской трактовке: 和为贵 (hé wéi guì) – «гармония как ценность»; 中庸, 中和 (zhōng yōng, zhōng hé) – «устойчивое состояние»; 太和 (tài hé) – «великая гармония»; 和则 (hé zé) – «гармония в единстве»; 天人合 (tiān rén hé) – «единство Неба и человека» и

другие. Разграничивая понятия «гармоничной» культуры и культуры вообще, Дэн Вэйчжи (2005) подчеркивает, что «гармоничная» культура формируется не просто из концепций и норм, а из «образцов гармонии» и что философские принципы гармонии выступают квинтэссенцией лучших достижений китайской культуры. Ученый приводит традиционные концепции: «гармония рождает все вещи», «различие заложено в единстве», «гармония – высшая ценность».

Принцип сосуществования и совместного развития, берущий начало в древности, оказал заметное влияние на терминологическое оформление современных внутривнутриполитических и внешнеполитических концепций. Так, в современном политическом дискурсе широкое распространение получило упомянутое понятие 和而不同 – «единение без унификации». Важность этого принципа подчеркивал еще Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь. По его словам, конфуцианская идея «гармонии без унификации», согласно которой гармония признается высшей ценностью, – это основа политики «гармоничной культуры» (Цинь Ган 2005). Ключевой характеристикой гармонии является сосуществование, а разнообразия – взаимодополнение. «Единение без унификации» представляет собой норму развития общественных отношений, поведения людей и развития человечества в целом. Данная концепция активно применяется не только при формировании морально-этических норм, но и в практике международных отношений. Иначе говоря, сегодня ей придается большое значение как во внутренних рамках – построение гармоничного общества, так и во внешних – стремление к гармоничному миру. Кроме того, «гармония» является действенным инструментом консолидации китайского общества. Будучи отражением идеологии, менталитета и культурных ценностей, эта концепция философии позволяет сформировать общие устремления и преодолеть возникающие противоречия.

Концепции «гармоничного общества», «гармоничного мира» и «гармоничной культуры» официально закреплены в политических и культурных стратегиях развития КНР. Продолжая идею построения 小康社会 (xiao kang shi hui) – «среднезажиточного общества», политические лидеры Китая внедряют в программу построения социализма с китайской спецификой образ 和谐社会 (he xie shi hui) – «гармоничного общества». Данная концепция столь же органично

продолжает стратегию «древности на службе современности», отражая традиционную культуру китайской нации.

Культурная стратегия политики «гармоничной культуры» получила официальное закрепление в 2006 году на VI пленуме КПК 16-го созыва. Традиционная трактовка «гармонии» была адаптирована к нынешним реалиям путем добавления «нового способа мышления» и метода разрешения противоречий и конфликтов в социокультурной динамике современного Китая. Основным содержанием стратегии стали: координация развития человека и природы; решение социальных противоречий и интеграции социальных сил; улучшение духовного состояния общества. В основе социалистического «гармоничного общества» должна лежать «гармоничная культура», характеризующаяся преемственностью, инновационностью, прогрессивностью и открытостью. «Гармоничная культура» призвана обеспечить воспитание нового сознания, распространение «духа гармонии», формирование культурно-ценностных ориентиров развития, достижение сплоченности в деле строительства «гармоничного общества» и создание благоприятной международной среды для реализации концепции «гармоничного мира». Открытость «гармоничной культуры» обеспечивает ее действенность в условиях культурной глобализации и интенсификации межкультурных связей: стойкость к воздействию извне и способность к расширению ареала культурного влияния (Цинь Ган 2005).

Подчеркивается, что при реализации данной концепции Китаю необходимо обращать внимание на положительный опыт других культурных ареалов, заимствуя их достижения, поскольку развитие страны находится в тесной связи с развитием культур всех государств земного шара. В результате будет сформирована совершенная система, включающая в себя мировые достижения и презентующая китайскую культуру всему миру.

Курс на инновационное культурное строительство был взят после XVII съезда КПК осенью 2007 года. Согласно докладу Ху Цзиньтао (2007), основными составляющими инновационного культурного строительства служат развитие новых направлений в социалистической культуре, усиление межкультурных обменов, развитие творческих начал в деятельности работников культуры, заимствование лучших достижений и повышение роли китайской культуры в мире.

С концепцией «гармоничного мира» в китайском политическом дискурсе сопряжено понятие «ответственная держава», которое

иллюстрирует роль Китая на мировой арене. На XVIII съезде КПК в 2012 году был выдвинут *五位一体»总体布局* (wu wei yi ben zong ti bu ju) – «пятиаспектный план», устанавливающий всестороннее гармоничное развитие политической, социальной, экологической, материальной и духовной цивилизации, ядром которой выступают инновационная китайская культура и ценности. Интересен тезис «человек как основа» в контексте опоры на демократические принципы при политическом развитии, а также достижение *小康社会* – «среднезажиточного общества» на основе социально-экономического развития и объединение социальных сил в деле построения «гармоничного общества». Главной целью плана, который также называют «единство пятичлена», является «богатое сильное демократическое цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство» (Ху Цзиньтао 2012).

Концепция «гармоничного мира» послужила фундаментом для еще одной метафоры, активно фигурирующей в политическом дискурсе КНР. Речь идет о понятии «китайская мечта» и сопутствующем ему тезисе о возрождении китайской нации. Термин *中国梦* (zhong guo meng) – «китайская мечта» получил статус главной официальной идеологемы на ближайшие годы. В своем первом выступлении после избрания на пост Председателя КНР Си Цзиньпин заявил: «Китайский дух сближает нас и помогает строить нашу страну, чтобы создать “китайскую мечту”, нам необходимо объединить все силы Китая, и пока мы едины, мы можем разделить плоды реализации этой мечты» (Си Цзиньпин 2012). Каждый китаец является членом «команды мечты». Другими словами, «китайская мечта» принадлежит каждому гражданину Китая и в то же время всему народу в целом. Она воплощает в себе стремления отдельного человека и вместе с тем напрямую связана с будущим всей страны. Предложенная Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином «китайская мечта» о реализации великого возрождения китайской нации вызвала бурный отклик в стране и за рубежом. «Китайская мечта», в сущности, означает богатое и могучее государство, национальное возрождение, счастливый народ.

«Китайская мечта» имеет три основные составляющие: «берущее истоки в Китае», «принадлежащее Китаю» и «сделанное во имя Китая». Первая из них тесно сопряжена с берущей начало еще в период проведения политики реформ и открытости идеей о том,

что Китай должен внести большой вклад в развитие человечества. То есть «китайская мечта» необходима миру в глобальном контексте для того, чтобы международные инициативы и концепции «брали свои истоки в Китае, принадлежали всему миру», тем самым обогащая многообразие моделей глобального развития. «Принадлежать Китаю» означает, что это особая мечта, которая никак не пересекается с понятием «американской мечты», а представляет собой единый комплекс с «азиатской мечтой» и «глобальной мечтой». Из этого вытекает ряд задач: двигаться по пути социализма с китайской спецификой; не допустить, чтобы Азия стала объектом западного вторжения; продемонстрировать всему миру китайские традиционные ценности и универсальность китайской модели. Концепция «во имя Китая» означает, что «китайская мечта» тесно связана с мировой мечтой, это не узкая концепция, отвергающая мир и осуждающая «мечты» других стран. Напротив, Китай является стимулом для каждой страны осуществлять свою собственную мечту, но в то же время мир не должен следовать мечте «евроцентризма» (Ван Ивей 2013).

Считается, что в эпоху плюрализма «китайская мечта» поможет примирить общественное, политическое и идеологическое начала, создаст надежное идейное ядро для общества, которое внешне будет становиться все более диверсифицированным. Эта концепция также призвана перевернуть новую страницу в истории всего мира, предоставляя разнообразие выбора в обществе. В выступлении на Политбюро в 2014 году Си Цзиньпин заявил, что «основные социалистические ценности вездесущи, как воздух». По его словам, «необходимо наследовать и развивать лучшие традиции китайской культуры и традиционные добродетели, развивать, изучать и продвигать основные социалистические ценности» (Си Цзиньпин 2014). В их числе: 富强 (fuqiang) – «благополучие и могущество»; 民主 (mingzhu) – «демократия»; 自由 (ziyou) – «свобода»; 平等 (pingdeng) – «равенство»; 公正 (gongzheng) – «справедливость»; 法治 (fazhi) – «управление на основе законов»; 爱国 (aiguo) – «патриотизм»; 诚信 (chengxie) – «честность»; 友善 (youshan) – «благожелательность»; 敬业 (jingye) – «преданность своему делу».

Ряд выражений внутривнутриполитического дискурса КНР тесно связан с основными внешнеполитическими установками. При описа-

нии внешнеполитического курса в официальных документах фигурирует формулировка *«независимая, самостоятельная, мирная» внешняя политика*. Отстаивание независимости как постоянного национального интереса страны и как основного принципа присутствовало еще в теории Дэн Сяопина, согласно которой Китай никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдет на уступки крупной державе или группе государств и не будет участвовать в создании военных блоков, присоединяться к гонке вооружений или стремиться к военной экспансии.

Одним из основных выражений является *和平与发展* (heping yu fazhan) – «мир и развитие». Данная концепция также была сформулирована Дэн Сяопином и оказала большое влияние не только на внутривнутриполитическую, но и на внешнеполитическую терминологию. Известным комплексом выражений, отражающим черты характера китайского народа и послужившим основой внешнеполитического курса периода реформ, являются 24 иероглифа Дэн Сяопина, в частности: *冷静观察* (lengjing guancha) – «хладнокровно наблюдать»; *稳住阵脚* (wenzhu zhenjiao) – «укреплять расшатанные позиции»; *沿着应付* (yanzhi yinfu) – «сдержанно реагировать»; *韬光养晦* (taoguan yanhui) – «держаться в тени»; *决不当头* (juebu dangtou) – «не брать на себя бремя лидерства»; *有所作为* (yousuo zuowei) – «делать свое конкретное дело». Сдержанность и призывы «держаться в тени» отражают классический для Китая принцип вежливости – самоуничтожение и уважение к другому.

В настоящее время проходят дискуссии по поводу того, актуально ли соблюдение упомянутых установок, например стоит ли продолжать «держаться в тени», ведь геополитическое положение страны с конца 1980-х годов существенно изменилось. Некоторые, наоборот, полагают, что установки Дэн Сяопина обладают стратегическим характером и следует «переносить малое, чтобы избежать больших беспорядков». Интересна и точка зрения, трактующая данное утверждение как нацеленность на достижение во внешней политике «сопроцветания» и «единства в многообразии» (Ли Янь 2008). В целом можно утверждать, что эти базовые внешнеполитические принципы сохраняют силу и на современном этапе.

Огромную роль в развитии внешнеполитической мысли Китая играют сформулированные в середине 1950-х годов *和平共处五项原则*

(heping gongchu wu xiang yuanze) – «пять принципов мирного существования»: «взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; взаимное ненападение; взаимное невмешательство во внутренние дела; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование». Дэн Сяопин (1997: 268) подчеркивал, что «лучшим способом реализации межгосударственных отношений является соблюдение пяти принципов мирного сосуществования. Все прочие, вроде “большой семьи”, “политики блоков” и “сфер влияния”, ведут к противоречиям, к обострению международной обстановки».

Еще одно выражение, фигурирующее в политическом дискурсе КНР: 和平崛起 (heping juechu) – «мирное возвышение». Впервые оно было сформулировано в 2003 году, тогда в своих выступлениях его упоминали и Ху Цзиньтао, и премьер-министр Вэнь Цзябао. Так была предпринята попытка убедить общественность, прежде всего международную, в том, что возрастание мощи Китая не нанесет вреда окружающим. Утверждалось, что Китай – «ответственное большое государство», заинтересованное в мирных внешних условиях для своего развития, которое способно оказывать содействие в поддержании мира и стабильности в Азиатском регионе (Ли Янь 2008). При этом подчеркивалось использование для возвышения невоенных методов, подразумевающих, что страна будет опираться на собственный внутренний рынок, финансовые и трудовые ресурсы для осуществления дальнейшего развития и проводить взаимовыгодное сотрудничество с другими государствами. Успех страны в конечном итоге определит продолжение политики мира и экономического развития. Возможность уверенного движения вперед в условиях глобализации как основной тенденции настоящего времени отражена в политическом курсе, в том числе в положении о том, что руководство КНР рассматривает интересы китайского народа как часть общечеловеческих интересов, поощряя мировое ознакомление с китайской традицией. Реализация стратегии «мирного возвышения» требует также вовлечения соседних стран.

Важной концепцией политического курса КНР является понятие 综合国力 (zonghe guoli) – «совокупная мощь государства» (или «комплексная мощь государства»). Формула была предложена в 1980-х годах директором Центра исследований стратегии и международных отношений Джорджтаунского университета в США Р. С. Клайном. Она выглядит следующим образом: «государствен-

ная сила = (население и территория + экономическая сила + военная сила) × (стратегический замысел + воля к осуществлению государственной стратегии)». При этом элементы, определяющие «совокупную государственную мощь», делятся на материальные и духовные.

На XVII съезде КПК Председатель КНР Ху Цзиньтао отметил, что «культура становится все более важным фактором в совокупной государственной мощи». Китайские власти официально заявили: «Сливаясь с экономикой и политикой, культура в нынешнем мире занимает все более видное место и играет все более заметную роль в конкуренции комплексной государственной мощи» (Чжунгун... 2004). Это означает, что традиционная культура также становится компонентом комплексной национальной мощи Китая. Призыв «укреплять комплексную силу культуры Китая, продвигать китайскую культуру, еще лучше выходить в мир, повышать ее международное влияние» нацелен прежде всего на укрепление государственной мощи и образа страны на международной арене.

Отсюда вытекает еще одна концепция, используемая в политике КНР в контексте социокультурных традиций страны и строительства социализма с китайской спецификой. Это термин *软实力* (*guan shili*) – «мягкая сила». Адаптация к китайской действительности несколько изменила его значение по сравнению с первоначальным смыслом концепции, разработанной профессором Гарвардского университета Дж. Наем и введенной в международную практику в 1990 году.

Американский ученый разделил «совокупную государственную мощь» на «твердую» и «мягкую», назвав ее материальные элементы «твердой силой», а духовные – «мягкой силой». По его мнению, «мягкая сила» представляет собой использование политических идеалов и убеждения для оказания необходимого влияния на население других стран без силового, в том числе военного, давления. Согласно концепции Нае, к «мягкой силе» государства относятся экономическая модель его развития, его идеология, культура, ценностные ориентации, а также сила влияния в международных делах. Обращаясь к вопросу культурного влияния, автор ориентировался на американскую модель (Nye 2003).

Руководство Китая широко использует политику «мягкой силы». Официальное упоминание о ней можно найти в докладе на XVII съезде правящей партии, где задачи формирования «мягкой

силы» государства в рамках строительства социализма с китайской спецификой разделены на несколько направлений: «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»; «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»; «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»; «продвигать новаторство в культуре, продвигать развитие культуры» (Ху Цзиньтао 2007).

Основная цель заключается в том, чтобы повышать совокупную государственную мощь и служить строительству социализма с китайской спецификой. Необходима научная концепция развития, которая будет, во-первых, способствовать сближению с народом, во-вторых, обобщать опыт и уроки, предлагать конкретную стратегию и политику для ее реализации в соответствии с актуальными требованиями.

Китайские специалисты полагают, что жесткая сила и мягкая сила неразрывно связаны между собой и одно без другого не существует. В продолжение этой мысли делается вывод о том, что нынешняя китайская модель развития составляет «источник национальной мягкой силы», при воздействии на мировое сообщество, с одной стороны, способствуя распространению древней китайской культуры, основанной на народных традициях и конфуцианских морально-этических ценностях, а с другой – помогая понять сущность социализма с китайской спецификой. Средствами «мягкой силы» в политике Китая выступают: дипломатия, экономическая и гуманитарная помощь, научные и образовательные программы обмена, моральные ценности и привлекательность духовной и материальной культуры современного и традиционного Китая, а также участие в деятельности международных организаций и работа с диаспорой. Политика «мягкой силы» способствует углублению отношений с различными регионами, в особенности с развивающимися странами Африки, Южной Америки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Дж. Най в интервью в Пекине отметил успешность идеи «китайской мечты», добавив, что эта идея – одно из выражений «мягкой силы». С его точки зрения, концепции таких выдающихся мыслителей, как Конфуций и Лао-цзы, можно считать ядром китайской культуры, к которой на Западе уже давно относятся с интересом, а в будущем ее влияние возрастет еще больше. По мере развития современной культуры повышается и значение «мягкой силы» (Ван

Ивей 2013). Ученый считает, что формирование «мягкой силы» должно происходить согласно национальным особенностям и что это успешно демонстрирует политика, проводимая в КНР. Схожего мнения придерживается и китайский исследователь Чжань Дэсюн (Пэн Ван 2013).

Политика «мягкой силы» тесно связана с «научной концепцией развития». Ее суть, по мнению Ху Цзиньтао, состоит в том, что «не следует отрываться от практики и проявлять излишнюю поспешность в достижении цели. Необходимо неизменно сохранять трезвость ума и подвергать научному анализу новые шансы и вызовы, появляющиеся в ходе участия нашей страны в экономической глобализации и включающие в себя «индустриализацию, информатизацию, урбанизацию, маркетизацию и интернационализацию... В 2020 году, когда будут выполнены задачи полного построения среднестатистического общества, наша страна как древняя цивилизованная страна с длительной историей и в то же время как крупная развивающаяся социалистическая страна станет таким государством, которое в основном провело индустриализацию, заметно повысило свою совокупную мощь и по общим масштабам внутреннего рынка лидирует в мире... Страной, где имеются более совершенные системы во всех областях и где общество отличается более могучими жизненными силами, стабильно и сплочено. И, наконец, страной более широкой открытости и более покоряющей привлекательности, внесшей более весомый вклад в благо цивилизации человечества» (Ху Цзиньтао 2007).

Сформулированная китайскими лидерами в 2005 году концепция «гармоничного мира» утвердила статус Китая как субъекта идеологии мирового развития, соединив традиционное представление о том, что «мир – большая драгоценность», с современной международной обстановкой. Признание многообразия цивилизаций и создание демократического миропорядка на основе уважения множественности и самобытности ценностей относятся к числу основных целей политического курса КНР.

Следует упомянуть и продекларированные Ху Цзиньтао пять принципов и «два преодоления». Речь идет о необходимости принципиальных изменений в международной ситуации, которая влечет за собой необходимость адаптации к ним китайского внешнеполитического механизма; создании «гармоничного мира», включая развитие гармоничных отношений Китая с далекими и соседними странами-партнерами, а также формировании «гармоничного об-

щества» внутри страны; «совместном развитии», означающем, что процессы развития и модернизации должны протекать одновременно и параллельно не только в Китае, но и в странах всего мира. В успешно реализованном варианте идея «совместного развития» станет основой партнерства, стабильности и взаимной заинтересованности в рамках международной политики и позволит преодолеть неравномерное развитие одних стран за счет других.

Таким образом, языковые средства вообще и система метафор китайского языка в частности занимают значимое положение во внутривнутриполитическом дискурсе государства, выполняя функцию формирования соответствующего типа восприятия политической действительности. Традиционные принципы китайской культуры, в особенности конфуцианские ценности, органично интегрируются в современные политические отношения, сохраняя уникальную китайскую культуру и консолидируя общество. Известный принцип «древность на службу современности» и обращение к памятникам конфуцианства и его основным категориям успешно реализуются политическими лидерами в курсе развития страны. При этом подчеркивается важность знакомства всего мира с китайскими традиционными ценностями и моделью развития государства.

Литература

Берзиня, У. А. 2010. Традиционный политический язык в современной КНР. *Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН* 2: 271–273.

Ван Ивей. 2013. Чжунго мэн дэ сань чжун нейрун (Три главные составляющие «китайской мечты»). URL: <http://opinion.huanqiu.com/thought/2013-01/3592579.htm>.

Виноградов, В. В. 2008. *Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности*. М.: НОФМО.

Дэн Вэйчжи. 2005. Дзяньши хэсье веньхуа сюяо чхули хао дзигэ гуаньси (Построение гармоничной культуры требует урегулирования многих типов отношений). URL: <http://theory.people.com.cn/GB/49157/49165/4624134.htm>.

Дэн Сяопин. 1997. *Строительство социализма с китайской спецификой: статьи и выступления*. М.: Палея.

Ли Янь. 2008. Хэпин юи фачжань (Мир и развитие). URL: <http://src.people.com.cn/GB/134999/135000/8109704.htm>.

Любимов, Ю. В. 2009. Образ другого (Восток в европейской традиции). Ст. 1. *Историческая психология и социология истории* 2(2): 5–26.

Морозова, В. С. 2007. Ценностно-идеологический фактор в условиях социальных преобразований в КНР. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена* 32: 147–152.

Пэн Ван. 2013. Чжунго мэн жан жуань шили гэн тсянда (Мягкая сила в китайской и западной культурах). URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0806/c245417-22456103.htm>.

Си Цзиньпин.

2012. Дзай цханьгуань «Фусинь чжи лу» чжаньлань дэ баогао (Выступление на выставке «Возрождение народа»). URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2012-11/30/nw.D110000renmrb_20121130_2-01.htm.

2014. Си Цзиньпин: лицзу чжунхуа юсю чуаньтун вэньхуа пэйюй хэ хуньян шэхуэй чжуи хэсинь цзячжигуань (Си Цзиньпин: Необходимо развивать основные социалистические ценности на основе традиционной китайской культуры). URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-02/25/c_119499523.htm.

Чудинов, А. П. 2007. *Политическая лингвистика*. Екатеринбург: Флинта.

Ху Цзиньтао.

2007. Хуцзиньтао цзай чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао (Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК. III. Реализация научной концепции развития). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/106156/6430009.htm>.

2012. Чжунго гунчаньдан ди шиба цы цюаньго дайбяо дахуэй цзайцзин кайму Ху Цзиньтао дайбяо ди шици цзе чжуньян вэйюаньхуэй сян дахуэй цзо баогао (Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК). URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.htm>.

Цинь Ган. 2005. Дзяньши хэсье шихуэй бисю чжэли дзяньши хэсье вэньхуа (Построение гармоничной культуры для строительства гармоничного общества). URL: <http://china.com.cn/chinese/zhuanti/gjhxsh/1001673.htm>.

Чжунгун чжуньян гуаньюй цзяцян дан дэ чжичжэн нэнли цзяньшэ дэ цзюэдин. 2004. (Постановление ЦК КПК об укреплении способности управления партии.) URL: <http://people.com.cn/GB/shizheng/1026/2809350.htm>.

Nye, J. 2003. The Power of Persuasion: Dual Components of US Leadership. The Conversation with J. Nye. *Harvard International Review* Winter: 46.

Wang Dongshuo. 2011. Metaphorical Thinking in English and Chinese Languages. *Asian Culture and History* 2: 9–12.